
ЗЕРКАЛО

Экономическая советология в Великобритании и Америке

Победа в 1945 г. и начало холодной войны резко повысили интерес к советской системе со стороны и друзей этой системы, и ее врагов. По обоим берегам океана интерес этот стимулировал целевое финансирование исследований по советской тематике и правительственными организациями, и частными (в США, например, Фондом Форда).

Именно в это время (1949 г.) в Глазго начинает выходить журнал «Soviet Studies», созданный Дж. Миллером (J. Miller) и Р. Шлезингером (R. Schlesinger). Они же положили начало специализированной советологической библиотеке. В это же время Александр Байков, приехавший в Бирмингем, основал там исследовательский центр по советской проблематике. А в Кембридже М. Добб (M. Dobb) издал свою историю советской экономики, интерпретированную с определенных партийных позиций.

Однако попытки практического анализа официально декларируемых темпов роста советской экономики имели место и раньше, еще в довоенный период. Первая серьезная работа такого рода была опубликована Колином Кларком (Colin Clark) в 1939 г. «A Critique of Russian Statistics». Его пересчет, проведенный в так называемых «international units», показал темпы экономического роста значительно более низкие, нежели в советских статистических публикациях.

В первые послевоенные годы советский эмигрант Наум Ясный выпустил в США несколько книг, одна из которых (1949 г., о сельском хозяйстве) была оценена как крупное достижение. Он, в частности, высчитал, насколько велико различие между официально фиксируемым в отчетах «биологическим урожаем» и реальным (амбарным) сбором зерна. Убедительны были также его расчеты, свидетельствовавшие о крупных преувеличениях темпов роста советской экономики в целом. И наконец, по материалам секретного «Плана на 1941 г.» (из захваченных смоленских архивов) он достаточно точно рассчитал количество заключенных в стране.

К сожалению, он подвергся нападениям со стороны университетского истеблишмента, критически относившегося к его методологии.

Значительные работы по пересчету советского национального дохода были выполнены под руководством А. Бергсона (A. Bergson). Хотя работы эти финансировались военными, они велись на высоком научном уровне.

Однако мне казалось (и тогда, и потом), что здесь была допущена методологическая ошибка. По Бергсону, советские цены (если убрать дотации и налог с оборота, а также модифицировать норму прибыли) имели то же значение, что и цены рыночного хозяйства. А на мой взгляд — здесь отсутствует ключевой элемент: оценка потребителя. Но что поделаешь, других цен не было...

Многие (тогда еще молодые аспиранты) написали хорошие диссертации и стали видными исследователями и профессорами: Ж. Берлинер (J. Berliner), Г. Гроссман (G. Grossman), Р. Кэмпбелл (R. Campbell), Х. Левин (H. Levine), Дж. Чэпмен (J. Chapman). Оглядываясь на 60-е гг., нельзя не выделить статистические расчеты Г. Наттера (G. Nutter). Поражал научно-исторический кругозор А. Гершенкрона (A. Gerschenkron). Одна из его работ того времени (содержанием которой было сравнение темпов роста машиностроения в СССР и США) послужила основой так называемого «эффекта Гершенкрона»: при крупных структурных изменениях показатели роста, исчисленные по Ласпейресу, намного выше, чем по Пааше.

Говоря о том времени, нельзя не отметить следующее. Экономисты (за исключением, пожалуй, Г. Наттера) держались — в отличие от некоторых политологов — на строго научном уровне, несмотря на холодную войну (и источники финансирования своих исследований). Это относится и к исследованиям, проведенным под эгидой ЦРУ, они впоследствии даже оценивались как недостаточно критические...

В Великобритании в 50-е и 60-е гг. тоже возрастал интерес к изучению советской экономики. В 1958 г., когда я перешел на университетскую работу (сначала в Лондоне, потом в Глазго), уже работали П. Уайлс (P. Wiles) и Ф. Ситон (F. Seton). Впоследствии в Оксфорд приехал и М. Кэйзер (M. Kaser), а в Бирмингем — Р. Дэвис (R. Davies). В этот период улучшилось финансирование в результате рекомендации так называемого хейтеровского комитета, председателем которого являлся бывший посол в Москве сэр Уиллиам Хейтер (W. Hayter). Создавались центры в Бирмингеме, Глазго, Оксфорде, Лондоне. Среди пополнения были солидные ученые, как В. Брус (W. Brus) из Варшавы, А. Мак-Оли (A. McAuley), С. Гомулка (S. Gomulka), П. Хансон (P. Hanson).

Журнал «Soviet Studies» вначале бойкотировался «правыми», которые считали тогдашних редакторов слишком прокоммунистическими.

Но понемногу согласие было достигнуто, и журнал стал представлять всех профессиональных исследователей. В те же годы была создана Британская ассоциация советских и восточноевропейских исследований, которая вот уже два десятилетия проводит ежегодные конференции и считает «Soviet Studies» почти своим журналом (хотя редакция его находится в Глазго). Два года назад ассоциация эта слилась со славистами — специалистами в области языка, истории, литературы.

Такая же ассоциация давно существует в Америке, она известна как AAASS (American Association for the Advancement of Slavic Studies). Ассоциация эта проводит ежегодные конференции. Созывается (каждые пять лет) и мировая конференция. Первая проходила в Канаде (Банфф) в 1976 г., вторая — в Германии (Гармиш), третья — в США (Вашингтон). Четвертая конференция состоялась в Англии (Харрогейт), на сей раз с многочисленными участниками из восточных стран.

Конечно, в течение долгих лет приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями и препятствиями, особенно в СССР. Почти все архивы были недоступными (закрытыми). Власти часто отказывали (в том числе и мне) во въездных визах. Библиотечный спецхран был недоступен не только для советских исследователей, но и для иностранцев.

Иногда дело доходило до абсурда. Американцы рассказывают, что один аспирант предложил в качестве предмета исследования тему «Борьба украинских националистов против большевиков, 1918–1921». Советская сторона не приняла такой сюжет. Но приняла следующий: «Борьба большевиков против украинских националистов, 1918–1921».

Экономистам мешала засекреченность, хотя в это время положение было несравнимо с тем, которое существовало в последние сталинские годы. Многие сумели написать неплохие книги, где обсуждались ключевые вопросы функционирования советской плановой экономики. Были и дискуссии — о темпах роста скрытой инфляции, о применимости термина «централизованное планирование», о несбалансированности экономики, нестабильности планов, о дефиците и т. п. Следует добавить: никто не предвидел, что все рухнет так быстро, как это произошло после 1988 г. Мы видели сложность ситуации, огромные препятствия на пути рыночных реформ. Мы видели их необходимость и неизбежность. Но распад и системы, и Союза был все же неожиданностью для нас (как и для вас!).

Сейчас формируется новое поколение экономистов-советологов. В Англии это С. Эстрин (S. Estrin) и экономический историк О. Файгес (O. Figes). В Америке П. Грегори (P. Gregory), Р. Стюарт (R. C. Stuart), Р. Эрикссон (R. Ericson). Среди эмигрантов, живущих теперь в Америке, выделяются Арон Каценелинбойген, Борис Румер, Федор Кущ-

нирский. Резко критиковал различные расчеты и построения (в том числе разработанные ЦРУ) Игорь Бирман. Он до сих пор не нашел места в американской академической жизни, хотя часто оказывался прав...

С сожалением следует отметить, что почти все западные советники (как, например, Дж. Сакс) ничего не знали о советской системе. Но ведь на любые модели реформ в любой стране будут влиять и прошлое этой страны, и нынешние обстоятельства. Причем некоторые западные экономисты, связанные с ультралиберальными (в экономическом смысле) фондами, пропагандируют *laissez-faire* в чистейшем виде, хотя такое не встречается в западных странах. Но к советологам это не относится.

Что же дальше? Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла. Как переименовать наш журнал «*Soviet Studies*» и различные научные центры? Я лично подготовил новое (и последнее...) издание «Экономической истории СССР», редактировал книгу о сталинизме (обе работы вышли в 1993 г.). И пишу, и размышляю о переходном периоде, о применимости неоклассических теорий. И о возможных потрясениях.

Но люди моего поколения (я родился в 1915 г.) сходят со сцены. А что будут делать наши аспиранты последних лет? И возродятся ли идеалы социализма, столь запачканные советским вариантом его реализации? Впрочем, и на Западе немало экономических и социальных проблем, настоятельно требующих решения.

Но это уже не будет советология.

Алек Ноув